Прости меня, если сможешь

Автор:
Яна Ясная

Прости меня, если сможешь

Яна Ясная

В войне между темными и светлыми нет победителей – в проигрыше оказываются все, а жертвами этой войны могут стать не только те, кто пал на поле боя. Оказавшись среди проигравших, Лиза Миллс лишилась не только свободы – она лишилась семьи, положения и привычной жизни. Потеряв магию, она потеряла часть самой себя. А взамен получила тюремное заключение, клеймо преступницы и приговор, не подлежащий обжалованию. И согласно этому приговору, вернуть себе свою жизнь она сможет только тогда, когда ее тюремщик произнесет одну-единственную фразу: «Я тебя прощаю».

Обложка выполнена художником Knes Art из фотографий, купленных на shutterstock.

Глава 1

Лиза

– …постановил признать Лизу Миллс виновной в совершении преступлений, предусмотренных статьей 204 Уголовного кодекса…

Я сидела на скамье подсудимых – руки сложены на коленях, плечи опущены, взгляд в пол. А выражение ликующего торжества в глазах было тщательно

спрятано за густыми ресницами – спасибо маме с папой за наследственность.

Получилось! У меня все получилось! Двести четвертая статья – это условный срок и общественные работы. Это позор на имя и на род, это клеймо предательницы среди темных, но это – жизнь. Как могла бедняжка-дурочка Стелла променять жизнь на вечную славу в родовых летописях, я не понимала, но была ей искренне благодарна. Если для кого-то проигрыш в войне и был равносилен смерти, то не для меня, спасибо. Ради идей надо жить – любой ценой жить! – а не умирать.

Впрочем, что теперь осталось от тех идей…

Когда началась война, девочка Лиза из рода Миллс (символ – остролист, позднее присвоенная классификация – темный) пошла по стопам родителей и старшего брата и примкнула к восстанию против накладываемых на магию жестких ограничений. Но девочка Лиза была неглупа и быстро поняла, что гарантий победы в этой войне никто ей не даст, а потому задумалась о том, как обезопасить себя. Так, на всякий случай.

Состряпать видимость того, что я вернулась домой, чтобы поддерживать семью исключительно морально, оказалось довольно просто – к женщинам на войне в принципе относились скептически. Взять личину и новое имя – еще проще. Так что место Лизы Миллс в боевых рядах заняла Джессика Хайд – гроза светлых, темная ведьма, прослывшая непобедимой.

Ведьма, может, таковой и была. По крайней мере, очень старалась, потому что хотела жить. А вот восстание, увы…

Оно длилось долгие годы, но все же было подавлено. Зачинщики и самые яростные предводители восстания были казнены. И среди них – та самая Джессика Хайд, оказавшаяся на деле не кем иным, как… Нет, не Лизой Миллс, а Стеллой Уиннифред из всеми почитаемого, сильного, но вставшего на сторону темных рода.

Стелла была слабачкой. И трусихой. Но очень честолюбивой слабачкой и трусихой, для которой одобрение семьи значило больше, чем голова на плечах. Впрочем, вполне возможно, что если бы не светлые, то ее прикончили бы и сами родственники. Уиннифреды славились нетерпимостью к трусости, а из-за

Стеллы, невовремя удравшей вместо того, чтобы прикрывать брату спину, они лишились сильнейшего наследника. Между мучительным возмездием от дядюшки с тетушкой и быстрой казнью от светлых она выбрала второе и воспользовалась моим щедрым предложением – взяла мое вымышленное имя и взошла на эшафот с остальными вместо меня.

Про Лизу Миллс тоже вспомнили, правосудие не забыло никого.

Я провела долгий год в заключении, только дожидаясь, пока очередь дойдет до рассмотрения дел всех тех, кто имел к восстанию лишь косвенное отношение. Год непрерывного опасения, что все раскроется. Что моя афера выплывет наружу, и что мир повторно возликует об известии о казни Джессики Хайд, на этот раз – настоящей.

И сегодня, в день, когда меня, наконец, вели на слушание, мои колени ощутимо подрагивали.

– На основании статьи 69, части 3 Уголовного кодекса, по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний окончательно назначить Лизе Миллс наказание в виде…

Все, что звучало дальше, не имело для меня никакого значения.

Обошлось.

Я буду жить. Отработаю положенное – и вернусь домой, в опустевшее родовое гнездо. А может быть, даже скорее всего, просто уеду из страны, меня здесь теперь ничего не держит. Начну жизнь с нуля в другом месте. И черт с ним, с состоянием, которое светлые не замедлили присвоить. При мне моя магия, а значит…

– …пожизненного условного лишения свободы…

Что?!

– …запечатывания магии…

Нет…

– …и исправительных работ на благо пострадавших во время восстания.

Мир рассыпался на глазах. Я не удержалась, вскинула голову и теперь смотрела в упор на судью, который монотонно и бесстрастно зачитывал приговор. Через него прошло уже столько темных, что теперь он, наверное, не испытывал даже крохотного злорадного торжества, ему просто было на нас плевать.

– Однако, с учетом смягчающих обстоятельств, суд счел возможным оставить виновной право на искупление, условия которого прописаны в пятнадцатой поправке к статье 119, части 4 Уголовного кодекса. До вступления приговора в законную силу избранную в отношении Лизы Миллс меру пресечения в виде содержания под стражей в следственном изоляторе Ньюкасла оставить без изменения.

Право на искупление? Это что еще за чушь?!.

– Обжалованию приговор не подлежит.

Удар деревянного молотка возвестил об окончании слушания и крушении всех моих столь тщательно выстроенных планов.

– С вещами на выход.

Необходимости бросать прощальный взгляд на камеру, в течение года служившую мне местом жительства, я не испытывала. Нехитрые пожитки – три книги и две тетради – я прижала к груди и вышла за надсмотрщицей, не оглядываясь.

Коридоры и двери, тусклый свет ламп, серые стены. Пока мы шли, они казались бесконечными, сливающимися в один лабиринт без выхода, но вот моя конвоирша остановилась, толкнула одну из дверей и пропустила меня вперед.

– Мисс Миллс, – Генри Тайлер, мой госзащитник, поднялся, чтобы поприветствовать меня и даже любезно отодвинул стул, приглашая присесть.

Темные не имели права на личных адвокатов. Я могла бы задаться вопросом, как именно это соотносилось с Конституцией нашего славного государства, но не видела в этом смысла – все равно денег на адвоката у меня больше не было. А потому, когда я впервые увидела того, кому предстояло защищать мои интересы в суде даже через его собственное «не хочу», я отнеслась к этой встрече со всей серьезностью. И преуспела.

Готова была поспорить: Генри Тайлер, мужчина за сорок, сухощавый, лысый и подслеповатый, воспылал к своей подзащитной, как минимум, родственными чувствами. Бедная, скромная сиротка Лиза Миллс, втянутая семьей в круговерть войны, сумела вызвать в нем сочувствие. Тихая, откровенная, предельно открытая для сотрудничества. От нее, к сожалению, не было никакого толку – ничего важного она не знала – но и никакого вреда тоже.

Он говорил, что примерное поведение и всяческое содействие следствию гарантируют мне смягчение наказания. И в первые мгновения после объявления приговора я так разозлилась на Генри Тайлера, что, ей-богу, была даже рада, что на мне гасящие магию браслеты. Однако сутки в камере позволили мне успокоиться, прийти в себя. Напомнили, что главное по-прежнему – это то, что я жива, когда могла бы и не быть. Поэтому госзащитника я встретила не скрипом зубов, а растерянной улыбкой. Желание придушить мерзавца, так подло обманувшего меня ложными надеждами, было затолкано глубоко-глубоко внутрь.

– Мистер Тайлер! Я ничего не понимаю, вы же говорили об условном сроке и исправительных работах…

– Но, мисс Миллс, – мужчина поправил очки и посмотрел на меня с недоумением. – Вам и дали условный срок и исправительные работы.

– Пожизненный условный! Я вообще не представляла, что такое бывает!

– Мы сейчас живем в такое время, мисс, что чего только не бывает, – философски отозвался мистер Тайлер. – Собственно, цель нашей встречи как раз и заключается в том, чтобы я разъяснил вам детали вашего нынешнего положения и того, что вас ожидает за стенами этого учреждения. После чего вас сопроводят в место отбывания наказания – дом вашего смотрителя.

– Смотрителя? – беззвучно переспросила я, только шевельнув губами. Нет. Надо молчать. И слушать. И не сорваться. Терпи, Лиза. Если хочешь жить – терпи.

– Суд очень строг ко всем участникам темного восстания, как прямым, так и косвенным. А особенно – к членам влиятельных семей, тех, что возглавляли движение, и к числу которых относится и ваша, мисс Миллс. Ко всем применяется высшая мера наказания – казнь, пожизненное заключение или пожизненное условное заключение, которое подразумевает запечатывание дара и необходимость раз в полгода в обязательном порядке отчитываться в участке, к которому вы прикреплены. Объясняются эти суровые меры просто – государство хочет обезопасить себя от повторения подобного сценария.

Я внутренне хмыкнула. Чтобы обезопасить себя от повторения подобного сценария, государству достаточно было пересмотреть отношение к некоторым аспектам магической жизни. Но, конечно же, убивать и сажать за решетку людей – проще.

Грустно улыбнувшись, я подняла на госзащитника полные мольбы глаза.

– Я прекрасно понимаю все это, мистер Тайлер, но ведь я же…

– Я знаю, мисс Миллс, – мужчина меня перебил. – Именно поэтому я настаивал на применении в отношении вас пятнадцатой поправки – ее еще называют поправкой Искупления. Она введена около полугода назад, и суть ее заключается в том, чтобы дать темным шанс исправиться. В качестве исправительных работ вас поставят в услужение к одному из ветеранов восстания, он или она станет вашим смотрителем – тем, кто решит вашу дальнейшую судьбу. Если он или она посчитает, что вы не представляете угрозы обществу, то магия будет вам возвращена, а обвинения, а с ними и отбывание наказания, сняты.

Я смотрела на него с недоверием. Это сейчас серьезно? Моя жизнь будет завесить от кого-то, кто почти наверняка ненавидит темных до глубины души? А я буду должна ему (или ей, чтоб вас всех!) прислуживать? Без магии? Заглядывать преданно в глаза и молить о прощении?..

– Но ведь это несправедливо, – пробормотала я.

– Поправка была принята Государственным советом практически единогласно. Если человек может убедить в своей невиновности того, кто больше всего пострадал от действий темных, то он однозначно заслуживает прощения. Мисс Миллс, это спланированная государственная программа, которая проходит под жестким контролем. Будет иметь место регулярная проверка, которая ставит перед собой задачу выявить нарушения как в ваших действиях, так и в действиях вашего смотрителя. Обязанности есть не только у вас. Более того, в том случае, если смотритель будет угрожать вашей жизни или здоровью – как физическому, так и душевному – вы имеете право на него донести, и после разбирательства вам могут его заменить.

Уже лучше. То есть если меня зашибет ненароком поехавший крышей вояка, то в посмертии я буду утешать себя тем, что он не имел на это права.

– И кто будет моим… смотрителем?

На язык куда больше просилось слово «тюремщик». А мрачное воображение рисовало меня в рванье, занесенный над головой кнут и зловещий гогот: «Это расплата за твои грехи, темная!»

– Эта информация, к сожалению, находится вне моей компетенции. Но в любом случае вы уже скоро это и сами узнаете. Я буду искренне надеяться, что вам с вашим смотрителем удастся найти общий язык.

– Спасибо…

Генри Тайлер снова поправил очки.

– Ну-ну, мисс Миллс, вы выглядите совершенно убитой. На самом деле все не так плохо. Вам дается шанс. Неужели вы бы предпочли ему тюремное заключение? Вы будете почти свободным человеком – перемещение в пределах города для вас будет свободно, за город – в сопровождении смотрителя и при наличии разрешения. Фиксированный рабочий день, выходной. Фактически жизнь среднестатистического человека. Многим из нас за пределы столицы выбираться не приходится даже и без необходимости запрашивать разрешение – он улыбнулся, пытаясь меня подбодрить.

Среднестатистического обычного человека. Не мага. Я смирилась с браслетами, находясь в четырех стенах под бдительным надзором. Но во внешнем мире, да еще и в логове врага… беспомощность меня злила.

– Что ж, если у вас больше нет вопросов…

– Нет, – смиренно кивнула я. – Я благодарю вас за помощь, мистер Тайлер. Что бы я без вас делала?

– Я просто выполнял свой долг, – госзащитник скупо улыбнулся и поднялся. – В эту дверь, пожалуйста, и дальше вас сопроводят.

Я поднялась, но, сделав несколько шагов, обернулась.

– А есть уже те, кто освободился? Кто воспользовался поправкой и был освобожден от обвинений?

Мужчина кашлянул и отвел взгляд.

– С запуска программы прошло всего полгода, мисс Миллс…

Ясно.

Я не стала заставлять его договаривать, улыбнулась самыми уголками губ и вышла в указанную дверь.

Тюремный фургон неимоверно трясся и, казалось, был готов развалиться на винтики прямо под нами.

На каждом ухабе маленький потрепанный чемодан, который мне выдали в составе «личных вещей», больно бил меня по коленям. Что в нем – я понятия не имела. При задержании при мне и на мне были только желтое домашнее платье и туфли, в которые меня сейчас и переодели, после чего – вручили эту ношу. С этим самым расплывчатым пояснением – «личные вещи».

А еще на каждом ухабе дама из конвоя одаривала меня таким взглядом, будто я лично выкопала на дороге эти ямы. Впрочем, вполне возможно, оно так и было. Я прекрасно помнила, как разлетались от ударов куски асфальта под ногами. Успели ли они за год все отремонтировать?..

Фургон остановился, и меня выволокли на улицу. Я не сопротивлялась и не упиралась, но конвоирше, очевидно, доставляло особенное удовольствие меня подпихивать и подгонять.

Машина стояла возле двухэтажного дома в ряду таких же, словно сошедших с картинок о мирной и процветающей жизни. Ступеньки крыльца. Мелодично тренькнувший звонок.

Я чувствовала, как сердце начинает биться чуть быстрее. Что ждет меня в этом доме, за этой свежевыкрашенной дверью? Кто ждет меня?..

Приближающиеся шаги. Щелчок замка. И дверь открылась, явив нам высокую, чуть полноватую женщину с идеально уложенными седыми волосами. Она окинула недоуменным взглядом меня с потрепанным чемоданом и еще более недоуменно уставилась на мое сопровождение в форме тюремного офицера.

– Мисс Лиза Миллс доставлена для отбывания наказания, – отрапортовала конвоирша, вытянувшись по струнке. – Мистер Тернер должен нас ожидать.

– Какое еще?.. – пробормотала дама себе под нос и обернулась, чтобы крикнуть куда-то вглубь дома. – Мэтт?

Снова шаги. Я взглянула на лицо мужчины, шире открывшего дверь, чтобы увидеть, в чем дело – и сердце, и без того слегка пошаливавшее, ухнуло в пятки.

– Мэттью Тернер, сэр? – холодно уточнила конвоирша и после спокойного кивка возобновила свою скороговорку. – Мисс Лиза Миллс доставлена…

– Я в курсе, – голос был негромкий, но какой-то веский и лично меня пробирающий до мурашек по позвоночнику. Хотя, возможно, сам голос имел к этому куда меньше отношения, чем его владелец. – Доставлена. Спасибо за работу, сержант, можете быть свободны.

– Есть, сэр, – козырнула женщина, с которой мы провели незабываемые полчаса на ухабистой дороге, повернулась на каблуках и спустилась по ступенькам, чтобы сесть в машину и никогда больше мне не встретиться на жизненном пути. По крайней мере, я искренне верила в то, что встречаться с работницами женского следственного изолятора мне больше не придется.

– Проходите, мисс Миллс, – проговорил светлый, заставив меня вздрогнуть от собственного имени, произнесенного этим голосом. – Не стойте на пороге, счастье из дома выскочит.

Старая поговорка в его устах почему-то звучала как будто бы с издевкой.

Я сделала несколько шагов вперед, и дверь за моей спиной закрылась. А как только она закрылась, голос дамы взвился до потолка фальцетом.

– Мэттью Чарльз Энтони Тернер! Что все это значит?

– Том попросил меня об услуге, и я намерен ему ее оказать. Первая дверь налево, мисс Миллс.

– Темная? В нашем доме?

Я почувствовала, как челюсти против воли сжались. К счастью, я уже успела двинуться в указанном направлении, и светлые могли в лучшем случае увидеть мою напряженную спину.

– Ма, успокойся. Я должен ее проинструктировать, а потом – мы поговорим.

Моего мнения никто не спрашивал, но если бы вдруг спросил, то я бы честно признала, что это «мы поговорим» звучало как – «вы поговорите, я послушаю и все равно сделаю по-своему». А может быть, опять же во всем была виновата отпечатавшаяся в памяти картина – волны огня, расходящиеся клином, а на его острие человек. Он просто шел, а все филигранно выстроенные щиты ломались с хрупким звоном, как самое обычное стекло. Сила. Мощь. Таран. Чертов магический носорог! Разогнался – не остановить. Я впервые была рада тогда, что не участвовала в лобовой атаке. Лобовая атака была смята в лепешку.

Я оказалась в гостиной – пара диванов, кресла, искусно вышитые подушки, телерадиола, шторы в мелкий цветочек. Все такое… мирное. Домашнее. К горлу подступил ком, я сглотнула его, и почти сразу в комнату зашел светлый, закрыв за собой дверь.

– Садись, – бросил он, махнув рукой на кресло, а сам опустился напротив и потянулся к пачке сигарет, лежащей на столике. – Будешь?

Я отрицательно помотала головой – я была бы и не против, но резкий переход на панибратское «ты» вкупе с сокрушительной картиной, не покидающей мозг, и общим напряженным ощущением неопределенности и непредсказуемости положения не давали расслабиться и подумать о маленьких плотских радостях.

– Значит, так, Лиза, – произнес мужчина и затянулся сигаретой. – Тебе отведена комната на чердаке, а в твои обязанности будет входить помощь миссис Тальберг, нашей экономке.

Дым пах вкусно. Терпкий запах хорошего табака, а не той дряни, что тянули мои соседки по камере. А мужчина в кресле выглядел невозмутимым и даже расслабленным. Я готова была к злости и презрению, к ненависти и боли в голосе, к оскорблениям, к проклятиям, к попыткам отыграться на мне за все прямо сейчас. Но ничего этого не было. Он был спокоен. Равнодушен.

Копна волос цвета темной меди и такие же рыжие брови и ресницы. Глаза теплого коричного оттенка, идеально прямой нос. Очертания губ слегка терялись в неухоженной многодневной щетине, но даже несмотря на нее можно было сказать – красивый мужчина. Красивый и страшный. Опасный.

Я смотрела на пальцы, подносящие ко рту сигарету небрежным, привычным жестом, и против воли вспоминала, как от легкого движения этих пальцев одно из наших укреплений разлетелось в щепу. Пусть на руку светлым тогда сыграло еще и то, что мы не были готовы к нападению – все равно эта мощь потрясала. И я гнала от себя эти воспоминания и эти мысли, но они вновь и вновь возвращались в голову. Страх того, что меня узнают, выведут на чистую воду, снова оплетал своей липкой паутиной и заставлял сильнее сжимать ледяные пальцы сложенных на коленях рук. Вряд ли он меня тогда видел, а если и видел, я была под личиной, но…

– Ее рабочий день начинается в восемь утра, а значит, и твой тоже. Заканчивается в восемь вечера. Воскресенье – выходной. Есть будешь с ней на кухне. Раз в неделю тебе будут выдаваться пятьдесят шиллингов на карманные расходы. Государство также оплачивает твою работу по ставке полфунта за час, эти деньги поступают на твой накопительный счет. Но он заблокирован, и ты сможешь получить к нему доступ только после освобождения. В случае острой необходимости за деньгами обращаешься ко мне.

Он перечислял все это так, будто его совершенно ничего из сказанного не волновало. И мне от этого еще больше становилось не по себе. Капелька пота неприятно стекла по позвоночнику. В людское великодушие и доброту я верила куда меньше, чем в подлость и мстительность. Со светлого станется запудрить мне мозги своей вежливостью, а потом ударить, как только я расслаблюсь.

– В доме живут моя мать, миссис Эйприл Тернер, и три моих сестры – Камилла, Абигайль и Синтия. Мистер Тернер временно в отъезде. По правилам ты подчиняешься только мне, но я полагаю, что для всех будет спокойнее, если тебя не затруднит исполнять некоторые мелкие поручения, которые могут тебе дать остальные члены семьи.

Он впервые внимательно посмотрел на меня за все время разговора, и я сочла необходимым кивнуть. Но почему все же он так спокоен? Будто горничной собеседование проводит, а не инструктирует своего врага о жизни в собственном доме.

Удовлетворившись этим кивком, светлый закончил.

– Первая проверка состоится через три месяца. До тех пор любые вопросы, которые у тебя возникнут, решать придется со мной.

– У меня есть вопрос, мистер Тернер, – произнесла я, глядя прямо в карие глаза, и замолчала.

– Задавай, – кивнул светлый, затянулся и выпустил тонкую струйку дыма.

– У меня есть шанс получить свободу?

«…или ты меня взял только в качестве бесправной рабыни для хозяйства?» Окончание фразы я, естественно, прокрутила только в мыслях, усиленно сражаясь с поднимающейся откуда-то из глубин сознания ненавистью. Ненависть эта дремала почти год, пришибленная необходимостью выжить, а теперь, когда угроза смерти отступила, она возвращалась на свое законное место. Ты ведь считаешь себя лучше меня – верно, светлый? Защитник в белом перед преступницей и убийцей. А сколько наших ты убил?..

Не подозревая о том, какая буря кипит у меня внутри, мужчина вскинул брови и хмыкнул.

– Вижу, ты, Лиза-темная, не из тех, кто ходит вокруг да около.

– Я просто… – я попыталась смягчить прямой вопрос пояснением, но светлый меня перебил.

– Нет. Отпускать тебя я не планирую.

Я сжала руки так, что ногти впились в ладони.

– Я видел, на что способны темные, Лиза, – он ткнул недокуренную сигарету в пепельницу и наклонился вперед, упершись локтями в колени и сцепив руки в замок. – Я видел это так же близко, как тебя сейчас. И потому я придерживаюсь правительственного мнения – вас нужно держать под присмотром. И раз на какое-то время я могу этот присмотр обеспечить – этим я и займусь.

В моей памяти мелькнули развороченная стена Мелкор-холла, изломанное тело Эзры…

О да! Я тоже видела, на что способны светлые. Так что, мистер Тернер, будем честны, дело не в этом.

– Но… – я закусила губу, сдерживая рвущиеся наружу грубости. – Я же… неужели у меня нет ни единого шанса?

Жаль, господь бог не наделил меня в должной степени актерским талантом, слезы в широко распахнутых серо-голубых глазах наверняка смотрелись бы сейчас драматично и крайне уместно. Увы, глаза были – слез не было. Отродясь не была плаксой.

Светлый посмотрел на меня и, помолчав несколько долгих секунд, произнес.

– Ты голодна?

Я недоуменно сморгнула. Что это? Разговор окончен?

– Мы скоро сядем за стол. Ты можешь поесть сейчас или дождаться, пока мы закончим. Миссис Тальберг сегодня отпросилась пораньше.

– Спасибо, я не голодна, – я опустила глаза, снова пряча их за ресницами. – И если сегодня в моих услугах вы не нуждаетесь, то я хотела бы побыть одна.

Мужчина откинулся обратно на спинку стула.

– По лестнице на третий этаж, дверь налево. Если передумаешь, после десяти кухня в твоем распоряжении.

– Спасибо, мистер Тернер.

Я поднялась, подхватила свой чемодан, в уюте этой гостиной смотревшийся до отвращения неуместно, и поплелась в указанном направлении. Задумчивый взгляд светлого сверлил лопатки так, что мне хотелось ими передернуть.

Стоило мне распахнуть дверь, как от нее испуганными зайцами прыснули в разные стороны две девицы. Справившись с первой, инстинктивной, реакцией, а еще, наверное, отметив, что перед ними я, а не их брат, девицы выпрямились, приосанились, одернули юбки и смерили меня любопытно-презрительными взглядами. На вид им вряд ли было больше тридцати на двоих, медные волосы, карие глаза. Одна в веснушках, другая – без. И было странно видеть на лицах этих девочек то выражение, которое я скорее воображала на лице ветерана.

Пигалицы.

– Мисс Тернер, мисс Тернер, – я кивнула каждой и прошла мимо, к лестнице.

За спиной тут же взорвался возбужденный шепот, который меня уже мало волновал.

Поднимаясь по лестнице, я думала о том, что, задавая свой вопрос, я в общем-то и не надеялась на положительный ответ. Нейтрально-доброжелательное отношение моего смотрителя сбивало с толку и заставляло настраиваться на худшее. Но я себе этого не позволяла. Я – Лиза Миллс. Милая, тихая девушка, ни в чем не виновная. А мой надсмотрщик пока что кажется достаточно спокойным, относящимся ко мне без очевидной ненависти, несмотря на весь свой опыт. Даже его переход на «ты» в отсутствии посторонних выглядел не пренебрежительно, а скорее снисходительно, покровительственно. Могло быть и хуже. Намного хуже. Я просто буду паинькой, и у меня все получится. Да? Да.

Я толкнула указанную дверь на третьем этаже и оказалась в маленькой комнате с низким, мансардным потолком. Кровать, тумба, стул, узкий шкаф. Запах пыли с ноткой лаванды, исходящей от стопки белья на кровати. Я посмотрела на полотенце и подумала, что неплохо было бы помыться. И я даже взялась за ручку двери, чтобы спуститься и спросить у светлого, где я могу это сделать, но почти сразу передумала.

Завтра.

В этой комнатке, совершенно не похожей на тюремную камеру, я вдруг почувствовала себя человеком. В ней было что-то похожее на клеть студенческого кампуса – и создавалось иллюзорное ощущение, будто я вернулась на несколько лет назад, в дни, когда все было совершенно иначе. Когда мы не могли даже представить, какое будущее нас ожидает.

И мне отчаянно захотелось продлить это ощущение. А для этого было достаточно просто не выходить пока из этой комнаты. Только и всего.

Я положила чемодан на кровать и щелкнула пряжками замка, чтобы удовлетворить, наконец, свое любопытство.

Государство заботилось о своих гражданах. Даже провинившихся. В чемодане обнаружились два одинаковых грязно-серых платья – что-то среднее между тюремной робой и нарядом горничной – набор гигиенических принадлежностей, два комплекта простенького хлопчатобумажного белья, две сорочки, две пары грубых чулок, теплые ботинки с толстой подошвой, плотный кардиган и «Памятка для отбывающих срок с правом искупления».

Последнее меня почему-то до невозможности развеселило. Я отложила занимательное чтение на другой раз, небрежно побросала все богатство обратно в чемодан и, переодевшись в сорочку, забралась в кровать.

Дом. Комната. Свежее, вкусно пахнущее белье. Иногда не так уж и много нужно человеку для счастья.

Глава 2

Мэтт

Когда Том высказал мне свою просьбу, я сначала подумал, что он то ли шутит, то ли издевается, то ли не в себе. Остановившись на последнем варианте, я высказал искреннюю озабоченность его душевным здоровьем.

– Ты сдурел?

Наверное, голосу не хватало то ли искренности, то ли озабоченности, потому что старый друг, боевой товарищ и по совместительству жених моей сестры – а значит, будущий, чтоб его, родственник – только поморщился. И продолжил упорствовать как в собственном здравомыслии, так и в желании осчастливить моей семейство дармовой рабочей силой.

– Мэтт, ну я тебя как друга прошу, ну некуда ее пристроить. Программа держится на соплях и загибается, а ты же понимаешь, как для меня это важно! Это временно, пока я не найду для нее другой дом. Ну пойми, она совсем одна и

без вины виноватая.

Только Том мог назвать без вины виноватой представительницу темного рода. Ну и еще пара-тройка человек, ностальгирующих по времени «до».

Как ни странно, я не ненавидел темных. Несмотря ни на что. Не ненавидел и не презирал. Они были мне глубоко безразличны. Все равно практически все, кто стоял у истоков восстания либо погибли в бою, либо приняли смерть от рук правосудия. А остальные… Остальные – такие же пешки, как и мы, светлые. Убивали так же, как и мы. И умирали так же, как и мы. И теряли близких так же, как и мы. Просто мы – победили, а они – нет.

Но это вовсе не означало, что мне настолько плевать и что я готов притащить в дом одну из них.

– Нет.

– Мэтт!

– Да с какого перепугу? Сдай ее кому-нибудь, кому оно надо. Мы вполне можем позволить себе горничную, благодарю.

– Да будь ты человеком! Это всего лишь женщина, одинокая и напуганная. Да еще и без магии! Она в этой войне потеряла едва ли не больше, чем ты! – вскипел Том.

И почти сразу осекся. Наверное, даже до того, как на моей физиономии проступила каменная маска.

Я молчал. И думал.

Том тоже молчал. И все больше нервничал, вглядываясь в мое лицо.

– Мэтт? Мэтт, прости, а? Ну я не…

– Давай сюда свою темную, – невыразительно произнес я, приняв решение, и, не дожидаясь реакции друга, стянул с его стола папку с ее личным делом.

А теперь мне предстояло принять на себя последствия этого решения. И если кто-то скажет, что семейный ужин совершенно не похож на столкновение сил темных и светлых – тот не ужинал с семейством Тернер.

Когда я зашел в столовую, все уже были в сборе. В воздухе потрескивала гроза, и я даже испытал нечто похожее над предбоевой азарт с его выбросом адреналина. Мать сидела, поджав губы. Камилла скучающе теребила салфетку. У погодок Абигайль и Синтии, похожих как близнецы, глаза блестели от возбуждения.

Не обращая на все это ни малейшего внимания, я прошел на свое место и, не поддаваясь на провокации, потянулся к блюду с мясом. И только когда я закончил накладывать и даже отправил первую ложку в рот, до матушки дошло, что первым начинать витающий в воздухе разговор я не планирую (я враг себе, что ли?). Она зыркнула на дочерей и те тоже потянулись к еде, а когда, наконец, все были осчастливлены порцией ужина, проговорила спокойно и с деланной непринужденностью.

– Мэттью, ты не хочешь нам ничего объяснить?

– Не хочу, – буркнул я. – Но разве у меня есть выбор?

Старшая из младшеньких от души пнула меня под столом. Я скривился и великодушно поделился:

– Как я уже сказал, Том попросил меня о помощи в его программе, и я согласился. Девушку зовут Лиза Миллс, и она будет жить с нами на правах помощницы по дому. Что тут еще объяснять?

– Дорогой, тебе не кажется, что подобные решения ты должен согласовывать с нами?

– Она никого не потеснит, никаких вложений не потребует, окажет помощь в ведении хозяйства. Решение каких бы то ни было проблем, которые могут быть с ней связаны, ложится исключительно на меня. Так что нет, мне не кажется, что это решение я должен был согласовывать.

– Но она будет жить в нашем доме!

– И?

– Темная!

– И?

– Это недопустимо!

Я испытал острое желание бросить ужин и уйти к себе только потому, что знал, что будет сказано дальше, и это заранее бесило – но в разговор неожиданно вступила Камилла.

– Война давно закончилась, мама. Нет больше темных и светлых.

– Еще скажи, что ты считаешь это разумным! – возмутилась матушка. – И объясни мне, дорогая, как вообще твоему Тому могла прийти в голову подобная идея? За кого он нас принимает?

– Он настолько же мой, ма, насколько и Мэтта… – сестрица нарочно пыталась держать нейтральный тон, и я на всякий случай отодвинул ноги подальше – на ком-то же ей надо будет с таким трудом сдерживаемые эмоции спустить. – Я была не в курсе этой просьбы, но раз Том попросил нас, значит, так надо. А Мэтт действительно имел право принять такое решение. И я уверена, что мисс Миллс не доставит нам хлопот – это не в ее интересах.

– Да! – подала голос Абигайль. Девице стукнуло пятнадцать, и она пребывала в святой и наивной уверенности, что теперь имеет право голоса в семейном совете. – Я тоже за то, чтобы она осталась. Нужно же показать этой дряни, где ее настоящее место!

Мне остро захотелось схватить мелочь за шкирку и хорошенько тряхнуть. Мы все на мгновение настолько обалдели от подобного заявления, что потеряли дар речи, и Абигайль воодушевленно продолжила

– А что? Пусть погорбатится хорошенько, отработает. Чем ей еще заниматься? Без магии-то! Ты бы видела ее, мам, шавка драная!

Я резко отодвинул стул, готовясь осуществить первую мелькнувшую в голове мысль, но движение оборвал громкий удар по столу – такой, что аж тарелки подпрыгнули и звякнули бокалы.

– Встань, – коротко скомандовала мать, глядя на среднюю дочь в упор. И когда та втянула голову в плечи, еще, очевидно, не понимая, в чем провинилась, но надеясь, что гроза минует, повторила уже жестче. – Я сказала «встань!»

Абигайль поднялась, гордо вскинув подбородок – избежать битвы не получилось, значит, надо держать форт до последнего.

– Подойди.

Сестрица обогнула стол и приблизилась к тоже поднявшейся матери.

И как только она остановилась, по столовой разнесся звонкий звук пощечины.

Абигайль, не издав ни звука, схватилась за щеку, уставившись на мать огромными, мгновенно наполнившимися слезами обиды и злости, глазами.

– В моем доме так говорить о женщине ты не будешь. И так разговаривать со старшими – тоже. А если я еще раз услышу от тебя подобные выражения – отошлю к тетке Кристен, чтобы она напомнила тебе о манерах, полагающейся юной леди твоего воспитания.

С учетом того, что тетка Кристен в воспитании не чуралась болезненных, но дивно доходчивых методов, угроза звучала внушительно.

– А теперь ты уйдешь к себе в комнату и не выйдешь до завтрашнего утра. Ясно?

– Но мама!..

– Ясно?

Абигайль всхлипнула, повернулась на пятках и вылетела из столовой. Раздалась нервная дробь каблуков по лестнице, громкий хлопок двери, и все стихло.

Я помедлил несколько мгновений и опустился обратно на стул. Синтия ковырялась в своей тарелке, излучая молчаливое несогласие и волны тлеющей агрессии. Камилла устало потерла глаза. Сестричке-целительнице хватало работы в госпитале, чтобы еще маяться пациентами (правда, скорее психиатрического плана) дома. Мне было ее искренне жаль, что не меняло моей убежденности в правильности решения.

Мама села и перевела взгляд на меня.

– Мэтт…

– Все в порядке, ма.

– Нет, не в порядке. Она только приехала, а мы уже… Ох, господи, война год как закончилась, а разрушениям не видно конца и края. Поэтому я не хочу, чтобы она оставалась с нами, Мэттью, я не хочу, чтобы она вставала между нами. Чтобы из-за нее мои дети – мои милые, добрые девочки – говорили и думали подобное.

– Я предполагал, что все так и будет, поэтому и не планировал оставлять ее здесь, – я откинулся на спинку стула. – Вернее, если бы все прошло гладко, то мы бы, конечно, остались, но я не особенно на это рассчитывал.

– Я не понимаю, о чем ты, – она нахмурилась.

– Было бы, конечно, неплохо остаться здесь на недельку-другую, пока в Уизел-холле не наладят хотя бы электричество, но теперь я думаю, что будет лучше, если мы уедем завтра же.

– Уизел-холл?.. – растерянно проговорила мама.

– Уизел-холл?! – громко изумились обе оставшиеся сестрицы. А Синтия пораженно добавила, – В эту развалину?

Она тут же прикусила язык, метнув в мать опасливый взгляд – вдруг попадет за неуважение к родовому поместью, но миссис Тернер была слишком поражена моим заявлением, чтобы уделить внимание этому замечанию.

Уизел-холл – или новый Уизел-холл – трехэтажный особняк середины прошлого века, построенный на месте предыдущего, который мой далекий предок по неосторожности спалил в ходе не очень удачного эксперимента (издержки огненных родов!) – не был главной резиденцией Тернеров уже более двадцати лет. С тех самых пор, как отец занял должность главного целителя Центрального госпиталя Святого Петра и потерял возможность тратить по два часа на дорогу до дома – который пусть и находился в черте города, но по расстоянию, казалось, был в другом мире. Отец снял квартиру, где мог бы ночевать, когда заканчивал слишком поздно, и когда мать внезапно осознала, что муж стал появляться дома только на выходных, а то и реже – решительно заявила о переезде всего семейства в центр.

Отец на радостях купил хоть и небольшой (по сравнению с родовым особняком), но респектабельный дом на набережной. И Уизел-холл сначала превратился в место, где дети проводили каникулы, потом в место, куда вся семья выезжала раз в год на неделю отдохнуть, а потом – в «место-которое-нельзя-называть». Потому что при упоминании ветшающего особняка родители мрачнели, начинали терзаться чувством вины, но все равно не находили ни желания возвращаться на окраину, ни свободных денег, которые можно было бы выделить на поддержание дома в достойном состоянии. А потом началась война, и всем окончательно стало не до поместья.

Я вспомнил о нем несколько недель назад, наткнувшись на альбом с детскими фотографиями. Среди них – я, лет шести от роду, на руках с совсем мелкой Камиллой в многочисленных рюшах, сидел на ступеньках высокого крыльца, ведущего на увитую плющом веранду. И мне вдруг вспомнилось, как я любил эту веранду, особенно летом, когда на белом железном столе с причудливыми завитушками стоял графин со свежим лимонадом.

План побега из дома, от душащих стен и бесконечной опеки начал зреть медленно, но неотвратимо, а предложение Тома стало финальным и самым важным штрихом – темная была гарантией того, что за мной никто не сунется.

Правда, я думал, что за ближайшую пару недель наведаюсь в родовое гнездо и организую там условия для жизни хотя бы в паре комнат, но… нет, так будет

даже лучше.

– Мэтт, ты не можешь там жить в принципе, и ты не можешь там жить с ней! – возмутилась матушка. – Последний раз мы с отцом там бывали еще до войны, и уже тогда дом был абсолютно непригоден для жизни!

– Ма, при всем уважении, твоя характеристика «непригодности для жизни» может означать отсутствие окон, выходящих на солнечную сторону, или там… – я покрутил рукой, подбирая что-нибудь столь же нелепое, но чрезвычайно веское, – поскрипывающий пол.

Камилла хихикнула и тут же заткнула себя стаканом воды, а Синтия спряталась за салфеткой. Все семейство прекрасно помнило – когда у нас внезапно стала скрипеть лестница, маман не могла угомониться, пока лестницу не поправили, и без конца возмущалась, что «в этом доме невозможно находиться!»

– Не передергивай! Ох, Мэтт, ну одумайся. Зачем тебе это нужно? Мне тяжело это признавать, но Синтия права – Уизел-холл сейчас просто развалина. И потом… оставаться один на один с темной. В твоем состоянии…

Она осеклась, и я привычным усилием подавил волну бессильного бешенства, зарождающегося в груди.

– Я способен в случае необходимости справиться с одной, лишенной магии женщиной, благодарю за заботу. Я принял решение и не собираюсь его менять, завтра мы уезжаем.

Я поднялся из-за стола, бросив салфетку в недоеденное мясо.

– Мэтт! Ужин!..

– Я сыт.

По горло.

Дверь в отцовский кабинет скрипнула, открываясь, и я метнул в нее бешеный взгляд. Можно было бы и запереться, но тогда я окончательно чувствовал бы себя неуравновешенным подростком, вроде младших сестричек.

Впрочем, злость быстро угасла, когда в комнату вплыл поднос, а за ним Камилла. Она небрежно захлопнула дверь пяткой и подошла.

Поднос с бутербродами под кружевной салфеткой и чаем в неприлично большой кружке опустился на стол. Сестренка знает, как я люблю – чай, наверняка, крепкий, сладкий и горячий. И я был ей за него невероятно благодарен.

– Абигайль – дура, – буднично и непринужденно сообщила мне Камилла. – Но у нее это возрастное. Пройдет.

Тонкая белая рука взъерошила мне волосы, и я только поморщился, снося снисходительную ласку от младшей, но такой взрослой сестры.

– Могли бы с Томом меня и предупредить.

– Я думал, он тебе скажет, – я пожал плечами, без зазрения совести подставляя старого друга под огненный темперамент невесты. А ничего, пусть тренируется, им еще жить вместе. Камилла гневно сощурилась, точеные ноздри на мгновение раздулись, но сестренка быстро взяла себя в руки, отложив расправу до лучших времен.

Я жевал бутерброды, запивая их обжигающе-горячим чаем.

Камилла небрежно сидела на подлокотнике моего кресла, сочтя свой долг – накормить мужчину в доме – исполненным, но не спешила уходить.

– У меня сегодня пациентка умерла.

Так вот чего она такая меланхоличная. Не любит пациентов терять. Это отчетность портит, репутацию под сомнение ставит и вообще… Не любит она этого.

Я молча вгрызся в бутерброд. Камилле, судя по тону, не нужен был собеседник. Ей нужен был слушатель.

– До войны я бы ее вылечила. А сейчас… Нельзя. Поназапрещали! – она помолчала и продолжила. – Весь раздел магии крови признан темным и условно запрещенным. За каждым чихом бегай за разрешающей бумажкой. Ритуалисты от злости лезут на стену. Отдел ментальных расстройств исходит ядом, шлет проклятия на чиновные головы и предлагает лечить всех подорожником. Диагносты грозятся всей специальностью свалить за границу. Будут нам диагнозы гадалки ставить. Это просто ужас, Мэтт! Война год как закончилась, а по ощущениям все потери еще впереди…

– А с пациенткой что? Неужели ничего нельзя было сделать? – я прожевал толстый ломоть хлеба с ветчиной и почувствовал в себе достаточно сил, чтобы вступить в разговор.

Камилла развела руками.

– При нынешних ограничениях – ничего.

– А твоя заведующая? Ну, помнишь, ты рассказывала, злющая такая тетка.

– У-у-у, вспомнил тоже. Ее давно забрали. Еще когда мы с тобой за темными гонялись.

– Как это?..

– А вот так. Она темный маг. Ее прямо на выходе из операционной приняли. Хотели с операции забрать, но там ординаторы насмерть встали и не дали им зайти. Она наивно верила, что здравый смысл победит и, не скрываясь, практиковала непопулярные методы, исследования какие-то вела. Теперь уже никто не узнает, какие. Они обезглавили нашу медицину, Мэтт. Выдернули из неё позвоночник. Мою пациентку не темные убили, ее убили такие идиоты, как Абигайль – воевать они не воевали, но до изнеможения, до трясущихся ножек хотят продемонстрировать собственную причастность и бескомпромиссность. Принципиальность! Твари…

Мы оба замолчали. Мне нечего было сказать. Мое мнение о нынешнем состоянии медицины она знала, и лестным оно не было. Мы все когда-то, как и ее заведующая, наивно верили, что как только закончится война – все вернется на круги своя. Пусть не сразу, в тот же день, но постепенно, потихоньку…

Увы. Становилось только хуже.

Гражданская война – страшная вещь. В ней враг не враг, и победитель не победитель. Вот только понимание этого приходит только тогда, когда ты уже увяз в ней по уши.

– Так что, – вдруг проговорила Камилла и, наклонившись, поцеловала меня в макушку, – езжай в Уизел-холл, братик. Вези подальше от идиотов эту злосчастную темную. Я считаю, что ты прав. Но буду приезжать не реже двух раз в неделю! А с Томом я еще поговорю…

Когда я, наконец, решил покинуть отцовский кабинет, весь дом уже спал.

Я давно привык ложиться поздно и вставать рано, и как Камилла ни пыталась убедить меня, что среди прочего мне вредит и недостаток сна, я только огрызался. Снотворные не помогали, хуже того – от них сновидения становились ярче, а пробуждения болезненнее.

Лестница не скрипнула.

Я свернул в коридор и с некоторым удивлением отметил, что дверь в ванную очерчена тонкой полоской света.

«Камилле не спится, – решил я. – Тяжелый день, бурный вечер…»

И в тот самый момент, когда я проходил мимо, дверь распахнулась, погасив мое «сама-то чего не дрыхнешь?» на вдохе.

Не Камилла.

Темная приглушенно ойкнула, почти налетев на меня, тут же отшатнулась назад, и мы уставились друг на друга, как два барана на узком мосту.

Черные волосы – мокрые, всклокоченные, рассыпались крупными локонами по наброшенному на плечи полотенцу. Капли воды с них стекали и на полотенце, и на льнущую к еще влажному телу сорочку, облепившую высокую полную грудь и темнеющие сквозь светлую тонкую ткань соски.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, куда я пялюсь, но как только это осознание пришло, взгляд тренированно метнулся вверх, чтобы уставиться в широко распахнутые голубые глаза.

Девушка тоже опомнилась и нервно стянула края полотенца, чтобы прикрыться.

– Простите, мистер Тернер, – произнесла она, и севший, хрипловатый голос вызвал мимолетную дрожь вдоль позвоночника. – Я думала, все спят. Я не хотела…

– Вы имеете полное право пользоваться ванной в ваше свободное время, мисс Миллс, – отозвался я, остро ощущая, что и мой голос звучит как-то иначе.

Официальное обращение, цель которого была создать прямо сейчас между нами невидимую дистанцию, кажется, немного успокоило темную. Напряженные плечи, дрогнув, опустились.

– Даже хорошо, что я вас встретил, – продолжил я, будто мы столкнулись не посреди ночи в дверях ванной, а среди бела дня на кишащей прохожими улице. – Планы поменялись. Не разбирайте ваш чемодан – мы уезжаем завтра утром.

– Куд… – она осеклась и торопливо исправилась. – Мне нельзя покидать пределы столицы без получения разрешения в полиции.

– Пределы столицы мы не покинем.

Взгляд неумолимо стремился вниз —туда, где бледные пальцы сжимали края полотенца, где влажно поблескивала в льющемся из ванной свете чистая

нежная кожа шеи – поэтому разговор я предпочел стремительно свернуть.

– Доброй ночи, – кивнув, я повернулся к темной спиной.

– Спокойной ночи, мистер Тернер, – полетело мне вслед.

Я зашел к себе и завалился, как был, на неразобранную постель.

Мысли, покрутившись еще немного возле столкновения в коридоре, снова скакнули к случившемуся за ужином.

Она не виновата.

Нет, не Лиза – Абигайль. И матушка. Хотя и Лиза, выходит, тоже.

Никто не виноват, и это самое хреновое.

Я поворочался в поисках удобной позы. Как всегда, не нашел. Суставы опухли и ныли. Крутило, как на непогоду. Это мелочь – физическое проявление перекошенных магических потоков.

«Все пройдет!» – уговаривали меня друзья.

Те, кому повезло больше – не остаться калекой в тридцать лет.

«Всё пройдет!» – фальшиво пели доктора. – «Мы определимся с тем, чем именно вас поразили и подберем успешную схему лечения! А пока что – пейте микстурки, они снимут симптомы!»

Только сестренка высказалась честно – но сплошь непечатно. Камиллу тоже здорово перекроила эта война.

Огненная ведьма, она долго придерживалась нейтралитета, ради медицины и возможностей темной магии в ней, не одобряя ущемлений и ограничений, но взбесилась и подалась в гражданское ополчение военным врачом после того, как темные покусились на святое – на госпиталь Святого Петра. Уходила

доверчивой девушкой – а вернулась взрослой женщиной и невестой Тома. И, пожалуй, могла себе позволить высказываться резко – даже и в присутствии старшего брата.

Микстурки, кстати, симптомов не снимали – в лучшем случае, ослабляли. И чем дальше, тем меньше.

Я покосился на стоящие на тумбочке флаконы, задавил привычное желание запустить ими в стену, перевернулся на другой бок и провалился в сон.

Лиза

Я лежала в отведенной мне комнате и смотрела в потолок. Мысли то рассеянно разбегались в разные стороны, то возвращались всем скопом, прокручивая события вечера.

Крики в столовой были слышны мне даже на третьем этаже. И злой топот ног по лестнице, и громкий хлопок дверью. Тяжело было сказать, кто с кем не сошелся во мнении, но причина была настолько очевидна, что я только зябко поежилась под своим одеялом, вслушиваясь в происходящее – не зазвучат ли сейчас шаги и на моей лестничной клетке, не откроется ли дверь, и не скажут ли мне выметаться.

Не сказали.

В доме еще довольно долгое время была слышна возня отходящего ко сну семейства – негромкий шум воды в ванной, которая, судя по всему, находилась практически подо мной, приглушенные женские голоса. Мужского слышно не было. А когда все окончательно стихло, я вдруг поняла, что не могу уснуть.

Нет, есть мне не хотелось, несмотря на то, что я так и осталась без ужина. А вот вымыться – хотелось до невыносимого зуда в теле. Принять нормальный душ, одной, с горячей, а не полутеплой водой, постоять под ним, сколько хочется – а не пока тикает секундомер, смыть с себя весь этот год содержания в изоляторе.

Я лежала, сражаясь с этим желанием, больше часа, и в итоге все же не выдержала. Все уже наверняка видят третий сон. Я быстренько, туда – и обратно.

Халата государственная щедрость не предусматривала, поэтому в коридор я высунулась, как была, в сорочке, прижимая к груди полотенце и гигиенические принадлежности.

Тишина и темнота.

Слух меня не подвел, и дверь в ванную я угадала с первой попытки.

Это были прекраснейшие полчаса моей жизни за весь последний год.

…и надо ж было светлому все испортить!

Признаться, в первые мгновения я не на шутку испугалась. Сначала – когда, выйдя в пустоту коридора, чуть не налетела на живое препятствие, потом… потом – когда увидела этот взгляд. Нормальный заинтересованный взгляд нормального мужчины при виде все равно что обнаженной женской груди.

В горле пересохло и колени подкосились. Я торопливо запахнула полотенце, а в голове уже вовсю варилась паническая мешанина из мыслей. Боже правый, вот уж о чем год содержания в женском изоляторе заставляет позабыть, так это о том, что ты – женщина. Да еще и, спасибо матушке-природе, вполне себе привлекательная. И беззащитная. Лишенная магии, отданная практически во владение. Что я смогу сделать, если светлый ко мне полезет?

Ничего.

Никто не будет рассматривать заявление об изнасиловании от темной с пожизненным уголовным сроком, а с мечтами об «искуплении» можно будет распрощаться.

Светлый удивил.

Настолько, что когда он отвернулся и пошел прочь, я еще несколько секунд смотрела ему в спину, переваривая случившееся. А потом торопливо убежала к себе, где с трудом удержалась от совершенно идиотского желания подпереть стул дверью – на тот случай, если мужчина передумает.

Стул остался стоять, где стоял, а светлый не передумал.

Он наверняка уже видел третий сон, а я все еще таращилась в потолок.

Сон – черная яма. Сны мне не снились, и иногда я об этом остро жалела, а иногда – неистово радовалась. Но, тем не менее, я почему-то начала бояться спать. В изоляторе тютю и рохлю Лизу Миллс, примерную домашнюю девочку, не обижали. А когда попробовали, быстро уяснили, что с сестрой Дэвида Миллса лучше не связываться – благо, содержали там точно таких же условно-виновных темных, как и сама Лиза. Две бешеных драки, изодранные в кровь противницы, обзаведшиеся изрядными проплешинами – и я получила возможность тихо жить в уголке, не опасаясь, что меня во сне придушат.

Забыть. Забудь об этом, Лиза! Думай о хорошем. Настраивайся на сон.

Здесь мне и вовсе незачем бояться засыпать. Тихая комната – даже уютная по-своему. Тесная, темная – но на одну меня. Без соседок. Хорошо.

Хорошо же, Лиза?

Чистое белье. Запах лаванды. Душ – не температуры окружающей среды, а настолько теплый, насколько тебе хочется, и одной, тебе одной! И можно мыться, сколько угодно, и не спешить!

Но ты все равно спешишь.

Ты отвыкла от свободы (даже такой, условной), и она тебя беспокоит, Лиза.

Ничего, пройдет.

Нужно просто спать и не думать о прошедшем дне.

Вообще не думать о прошлом.

Но сон-черная-яма пугает, и внутренний собеседник не способен ни переубедить, ни отвлечь, и мысли лезут сами.

У Дэвида было прозвище «Скорый Поезд». Заслуженно – он несся к цели по прямой, как по проложенным рельсам, игнорируя какие бы то ни было препятствия, через реку – мост, через гору – туннель. Увлеченный человек, харизматичный мужчина и сильный маг.

В детстве мы не были особо близки – и сошлись внезапно, уже оба будучи почти взрослыми, на почве темной магии. Тогда, когда со мной приключилась первая любовь – острая, сладкая, страстная, взаимная.

Я влюбилась в теорию магии крови. Тогда еще – просто науку, не названную бесчеловечной, не вымаранную со страниц учебников и не запрещенную к изучению и преподаванию.

Я изучала это искусство и наслаждалась открывающейся мне гармонией, безупречной логикой причин и следствий, красотой и лаконичностью построений и связей. Познавала ее – как познают возлюбленного, открыто и доверчиво распростертого передо мной, и болезненно вздрагивала, натыкаясь – словно напарываясь – на ограничивающие эдикты и законодательные вето.

Искусство магии крови было широко, полноводно, и течения его уводили туда, под решетки и пики запретов. Я испытывала почти физическую боль от невозможности проверить свои выкладки, подтвердить или опровергнуть предположения. Практически в ярость впадала – теория магии крови увлекла меня целиком, и я ухнула в эту свою страсть с головой, как в омут.

Мы с Дэвидом могли часами сидеть ночами на кухне, обсуждая и делясь, сопереживая друг другу и друг друга подпитывая.

Дэвид уже тогда примкнул к течению, выступающему за послабление магических ограничений, и я страстно его поддерживала.

Дура.

Я заворочалась.

Ночь затянула тучами небо, заволокла луну и звезды. Снова кольнуло беспокойство – а что, если светлый все же возьмется приставать? Что делать?

«Если пристанет – дать!» – цинично посоветовал внутренний собеседник. Подозрительно похожий на здравый смысл.

Да иди ты!

«А что? Он мужик видный, противно не будет, если с умом взяться – а долгое воздержание вредит здоровью и портит характер», – глумился внутренний голос.

Беседа с самой собой свернула определенно не в то русло.

Но… если подумать – то к любовнице он должен быть помягче, а снисходительность светлого мне, определенно, пригодилась бы.

Да и мужик он, действительно, видный.

Да и я, действительно, давно одна.

…а характер у меня и в лучшие дни благостностью не отличался…

Так, стоп!

Спи, Лиза!

А если не можешь – то думай хотя бы не о прошедшем дне, а о дне грядущем.

Это всяко эффективнее.

То, что после побега из страны нужно сваливать – это ясно, как день. Во-первых, здесь темную беглянку властям выдаст всякая собака – если, конечно, выдадут, а не сами линчуют. Во-вторых… Тошнит меня от милой родины. Моя б воля –

умчала бы отсюда прямо сейчас и не останавливалась бы до самого Северного Полюса. Или Южного. Ханжи. Лицемеры чертовы.

Но до побега еще нужно дожить – раз. И сбежать еще нужно суметь – два.

Так что мне нужен план. Вариант плана – получить освобождение через прощение кого-то там я даже не рассматривала. Нашли идиотку!

Итак.

Первое. Исследовать браслеты – пока что у меня не было возможности изучить поближе сие чудо магической мысли, всё недосуг как-то: то светлые рядом крутятся, мою судьбу решают, то еще ерунда какая отвлечет. Мелочи.

Ничего, надеюсь, там, куда мы едем, будет поспокойнее.

Снять блокираторы я сама не смогу, ясное дело. Но мне вполне по силам хотя бы к ним присмотреться, чтобы знать, чего ожидать от этих совершенно излишних на мне украшений, и кто бы – чисто теоретически – мог бы помочь мне от них избавиться.

Кроме Мэтта Тернера, конечно.

Второе. За год, проведенный в изоляторе, я выпала из жизни и сейчас не владею информацией о происходящем, а это не дело, и в моем положении может стоить если не жизни, то будущей свободы. Нужно любой ценой восполнить пробелы. Выяснить, кто из потенциально способных помочь находится на воле, кого поймали, кто погиб. Мало знать, как могут быть сняты магические ограничители – нужно еще найти того, кто сумеет это сделать.

Тех, кто знал, что Лиза и Джессика – одно лицо, и раньше было наперечет, а теперь и вовсе, считай, никого не осталось, но это неважно. Лизе Миллс тоже не откажут в помощи, но ввязываться в самоубийственные трепыхания остатков сопротивления я больше не буду. Хватит, поумнела.

Третье…

Сон-черная-яма подкрался незаметно. И в нем сначала мелькали тени ушедших – тело Дэвида, Эзра, еще живой – и он же перемолотый, изувеченный, безнадежно мертвый. Стелла Уиннифред, увидевшая, как Джессика Хайд, знаменитая Джесси-Тихий-Омут, подкладывает свои личные вещи одной из покойных соратниц. Губы Стеллы шевелятся – она вновь бросает свои ядовитые слова о бегущих с корабля крысах – но звука нет. Я помню эти слова наизусть. Но, как и тогда, они почти не ранят – я разочаровалась в Сопротивлении.

…а в глазах Стеллы – затравленное, загнанное выражение отчаявшегося человека, мечущегося и понимающего, что спасения нет.

Моя протянутая рука с приметным кольцом Джессики, и ее жадное движение навстречу всем телом. Царапнувшие ладонь ногти, когда она схватила его…

Мама. Папа. Летний день, мы пьем чай в саду, и Дэвид, весь изломанный заклинанием, что-то рассказывает, оживленно жестикулируя под молчаливое неодобрение родителей – джентльмену пристала бОльшая сдержанность в манерах…

Смутные, немые, смазанные образы, мельтешащие на границе сна и яви.

А потом всё. Черная яма.

Глава 3

Я не заводила будильник, зная, что проснусь ровно в шесть тридцать сама. Это было время подъема в следственном изоляторе, и за год организм уже настолько привык к нему, что вряд ли я смогла бы проспать дольше, даже если бы очень захотела.

Не ошиблась. Открыв глаза, я увидела перед собой часы, на которых часовая и минутная стрелка почти сошлись на цифре шесть.

Я перекатилась на спину, с удовольствием потягиваясь на мягкой постели, понежилась пару минут, а потом решительно села. Новый день. Новая жизнь.

В семь я спустилась вниз, интуитивно направившись в сторону кухни. Интуиция меня не обманула, и кухню я нашла, а в ней – светлого, сидящего за разделочным столом с огромной чашкой.

– Доброе утро, Лиза.

В окна лился солнечный свет, а с ним вернулись и снисходительно-покровительственные нотки.

– Доброе утро, мистер Тернер.

– Мы сегодня переезжаем в наше загородное поместье. Мы будем жить там вдвоем, и, признаться, наедине я бы предпочел, чтобы ты обращалась ко мне на «ты» и по имени.

Он замолк, выжидательно уставившись на меня.

– Как скаже… те… шь, – с некоторым трудом я победила обращение, но светлый продолжал смотреть, и я добавила уже увереннее, – Мэттью.

Мужчина удовлетворенно кивнул.

– Чаю?

– А кофе можно? – выпалила я, решившись на наглость, раз уже мы тут раскланиваемся без брудершафтов.

– Если сваришь, – пожал плечами светлый. – Кофе там, турка там. Кажется…

– А где все? – полюбопытствовала я, откручивая крышку жестяной банки. Аромат кофейных зерен ударил в ноздри, и я чуть ли не застонала от наслаждения, сравнимого разве что с оргазмом. Ко-о-офе… Боже, вот оно – счастье!

– Спят. Камилла – после тяжелой смены, у девчонок каникулы, а миссис Тернер никогда не была ранней пташкой.

А ты, значит, ранняя. Запомним…

– А почему мы уезжаем? Если это из-за…

– Нет, Лиза, это не из-за тебя, – светлый откинулся на спинку стула, наблюдая, как я вожусь у плиты, и время от времени делая глоток из своего… тазика. Называть кружкой этого монстра язык не поворачивался. – Я планировал туда перебраться уже давно. Окраина, воздух свежее, людей меньше – практически курорт. Правда, я должен тебя предупредить, что не уверен, что это действительно курорт, а не кэмпинг. Дом долгое время был заброшен, и я понятия не имею, в каком состоянии он сейчас находится. Но ничего. Если что, мы разобьем палатки в холле!

Я спрятала смешок, отвернувшись.

Отчего-то мысль, что мой надсмотрщик вознамерился меня увезти к черту на кулички, да еще и в какую-то развалину, совершенно не пугала. Возможно, потому что вчерашние вопли в исполнении четырех рыжих фурий, пугали куда больше. А возможно, потому что после ночного столкновения перспективы остаться со светлым наедине я уже не боялась. А палатки… что я, палаток не видела, что ли? Главное – кофе с собой обязательно прихватить!

С этой мыслью я искренне заверила светлого в своей полной готовности.

– Ничего, я умею варить прекрасный суп из тушенки на костре!

Выехали мы только к полудню.

Я даже немного не поверила, когда темно-зеленый автомобиль, посигналив на прощание, наконец, отчалил от тротуара и двинулся вдоль набережной, постепенно набирая скорость.

Светлый намеревался свинтить, как только проснется миссис Тернер – попрощаться и фьють! – но план с треском провалился. Потому что миссис Тернер, железная леди, отказалась отпускать малое дитятко без должного запаса одежды, белья, пледов, посуды (там же ничего нет!), недельного запаса провизии и ценных указаний.

Носорог страдал, но терпел, демонстрируя сыновью любовь наравне с недюжинной выдержкой. А я всегда думала, что рыжие вспыльчивы… Он только сопел и мотал башкой, когда мать пыталась запихнуть в багажник что-то совершенно вопиющее – вроде резиновой грелки (лето на дворе, ма!), фотографий (я не на Южный полюс в годовую экспедицию уезжаю!) или вороха простеньких, но местами весьма выручающих в быту амулетов. Последние светлый отверг особенно гневно – и решительно захлопнул и запер багажник, заставляя противника отступить.

Теперь машина уверенно мчала по бульвару, за окном, отражая солнечный свет, мелькали витрины, и я испытывала внутренне небывалый подъем. Все же прав был Генри Тайлер – все не так плохо, как могло бы быть!

Я уже начала прикидывать в уме приблизительную стратегию поведения – что делать, что и как говорить, в каком направлении пытаться выстраивать отношения с моим носоро… надсмотрщиком, как автомобиль вдруг начал сбрасывать скорость, а потом и вовсе вильнул к обочине, остановившись неподалеку от торговой галереи. Я повернула голову и вопросительно посмотрела на светлого – неужели мы все же умудрились что-то забыть и теперь это надо докупить?

Мужчина выудил из кармана несколько крупных банкнот и протянул мне.

– Купи себе халат, – спокойно произнес он, и я мгновенно залилась краской, затрудняясь сказать, чего испытывала в тот момент больше – смущения или злости.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы справиться и с тем, и с другим – и ответить как можно ровнее:

– Здесь намного больше, чем нужно на халат.

– Да. Но воспитание не позволяет мне прямо заявить женщине, что она отвратительно одета. Следование моде совершенно очевидно не входит в приоритеты заботы о гражданах, и государство вполне можно понять – но, бога ради, не надевай ты больше этот ужас!

Я почти оскорбленно расправила жесткую ткань выданного платья, в которое залезла этим утром с некоторым отвращением. Он издевается, да? Видит бог, больше всего на свете мне хотелось бы сменить эту дерюгу на что-то по размеру и фигуре и пошитое не из ближайшего родственника мешковины. Но в конце концов я ему прислуга, а не кукла, чтобы меня наряжать! Сколько мне там полагается карманных денег? Я за эту сумму потом буду сидеть несколько месяцев без единого пенни? Благодарю!

Мэттью невозмутимо наблюдал за моей внутренней молчаливой борьбой, и когда я уже открыла рот, чтобы сказать ему, что в благотворительности я не нуждаюсь и как-нибудь обойдусь, произнес, опередив меня на доли секунды.

– Эти траты частично оплачивает система, частично я вычту их из того жалования, что капает на твой сберегательный счет. Так что это твои деньги, мне это ничего не будет стоить. Чеки только принеси.

После такого сокрушительного аргумента жажда обновить гардероб одержала безоговорочную победу.

Уже возвращаясь с пакетами обратно в машину, я вдруг подумала, что это могла быть просто проверка – подчинюсь ли, не сбегу ли, и еще бог знает что. Но мне было все равно, потому что разглядывая витрины, бродя среди магазинов, заходя в них, примеряя одежду, оплачивая то, что приглянулось и было впору – я просто оживала, вновь чувствовала себя человеком. И откровенно была признательна светлому за эту подаренную возможность. И на мгновение, когда я села в машину, сгрузив покупки на заднее сидение, я даже испытала порыв его поблагодарить, но под заинтересованным и откровенно насмешливым взглядом этот порыв благополучно завял, и я только сунула ему чеки и буркнула, вновь испытывая смущение:

– Передай системе и моему счету, что через месяц-полтора мне понадобится осенняя одежда.

Светлый хмыкнул, небрежно сунул бумажки в карман брюк и провернул ключ зажигания.

Откровенно говоря, когда Мэттью Тернер с усилием отворил ржавые, скрипучие ворота и завел машину на поросший травой двор, я подумала, что все это – шутка. Дом, показавшийся в окне автомобиля, был, как по мне, образцовым представителем того типа зданий, которые смело можно записывать в «проклятые дома», «дома с привидениями» и прочие ужастики.

Мрачное строение прошлого века – асимметричное, с многочисленными балкончиками, выступами, с закрытыми, местами покосившимися или отвалившимися ставнями. Крыльцо было деревянным и сплошь поросло мхом и, по-моему, еще и ростками каких-то деревьев. Завершала картину разрухи и одичания… ласка. Натуральная коричневато-рыжая ласка вытянулась сусликом на пороге, уставившись на пришельцев с выражением крайнего недоумения на мордочке.

При виде зверька светлый неожиданно развеселился, решительно хлопнул по рулю и вышел из машины, окончательно убеждая меня в том, что все же он свернул, куда надо. Я опасливо дернула свою дверцу и спустила ноги на траву. Под травой хрустнуло – когда-то там, видимо, был гравий.

– Предлагаю ставить палатки снаружи, – мрачно предложила я, переминаясь с ноги на ногу.

Светлый, обернувшись, хмыкнул и взялся за перила лестницы.

– Я посмотрю, что там внутри – ты пока можешь прогуляться, оглядеться.

Шаг. Оглушительный треск. Я втянула голову в плечи, сжимая пальцы в кулаки – вновь приобретенная привычка, удерживающая от попыток колдовать. А следом раздалась ругань Мэтта, высвобождающего ногу из провала в ступеньках, и явно оскорбительный писк, доносящийся из-под крыльца.

– Да. Надо будет ступеньки поменять.

Бедолага. Плохо у него с логикой, ой как плохо! Как по мне, самый очевидный вывод в такой ситуации – валить отсюда надо, а не ступеньки менять!

Светлый вставил в дверь огромный ключ, провернул его с усилием и скрипом – и в воздухе почувствовалось что-то, будто дышать стало легче. У-у-у, тяжелый случай. Тут еще и охранка, на ключ завязанная. Так уже лет десять никто не делает – с одной стороны, надежнее, конечно, чем современные контуры, а с другой – посеешь ключик и усе, тю-тю. Защиту только под корень сносить, а вместе с ней можно снести и то, что она защищает.

Интересно, подумалось мне, когда Мэттью поглотила коридорная тьма, если сейчас этого психа там завалит насмерть, я перейду по наследству или меня отправят к кому-то другому? Как вся эта ор-ригинальная система работает?

Передернув плечами, я решила все же воспользоваться щедрым предложением – и пошла осмотреться. Должна же я знать, откуда мне, вероятно, предстоит бежать.

Когда-то вокруг дома, несомненно, был сад. Даже тропинка угадывалась под ногами и виднелись контуры клумб. Но их камни поросли мхом, а изнеженные садовые культуры уступили место дикарям без боя. Только розы воинственно растопырили шипы и не оставили своих позиций, да ещё пара яблонь.

Я сорвала заманчиво маячащий перед носом плод – почти белый, прозрачный. Белый налив. Вкуснющие. У нас тоже такие растут. Росли.

С наслаждением вгрызшись в брызнувшую соком мякоть, я продолжила обход.

Если дом был под заклинанием, то территория оставалась совершенно незащищенной – мы въехали сюда без каких-либо манипуляций, если не считать проблем с открытием ржавых ворот. И чутье подсказывало мне, что вряд ли Мэттью Тернер будет заморачиваться дополнительными щитами, несмотря на то, что в их доме в центре города стояла новомоднейшая игрушка, легко узнаваемая по тонкой вязи рун на косяке. Умная и наверняка настраиваемая на то, кого впускать, а кого не выпускать. Игрушка, несомненно, необходимая четырем дамам, две из которых пребывают в возрасте, пока ещё несовместимом с разумностью.

Но не носорогу.

Так что, когда я надумаю закончить свою головокружительную карьеру домработницы, проблем с тем, чтобы сбежать, не будет никаких. Взять ключ, отпереть дверь и выйти. Делов-то…

Я обогнула угол дома и напоролась на заросли остролиста. Родовой символ встретил меня более чем радушно, приняв в свои колючие объятия со всей страстью. Я зашипела и собиралась уже сдать назад, но тут заметила кое-что любопытное, прячущееся за глянцевыми темно-зелеными листьями.

Почти все маги относятся к тому или иному роду. Способности передаются генетически, среди обычных людей проявляются редко, и чаще всего такое «внезапное» проявление вполне можно увязать с тем, что мать ребенка оказалась не до конца верна либо своим брачным клятвам, либо обещаниям быть хорошей девочкой и до свадьбы «ни-ни». В большинстве случаев, власти не заморачиваются отслеживанием родословной, если только сам маг не заинтересуется, а его третьему поколению позволяют даже выбрать свой магический символ.

Кто-то считает это позерством, ведь никакой магической нагрузки этот символ в себе не несет. Он просто маячит в украшениях, в орнаментах дома, в одежде.

А для меня он значил в первую очередь единство, родство, понимание того, что ты не один, что у тебя есть семья. Поколения предков. И наследие, которое ты передашь своим детям. И даже сейчас, когда я осталась совсем одна, когда родители и брат были перемолоты в жерновах войны, я напоролась на остролист и лишний раз вспомнила, кто я. Кто мы.

Мы с родными никогда не были близки, уважение личного пространства каждого члена семьи стояло во главе угла. Мы с Дэвидом росли по старой аристократической схеме, когда детьми занимались няни, потом учителя, а родители уделяли им час в день перед ужином. В одиннадцать лет каждый из нас был отправлен в частную школу: Дэвид – для мальчиков, я – для девочек. А в семнадцать каждый плавно переехал оттуда в студенческий кампус. И наши с ним дороги могли бы сильно разойтись, если бы не совершенно случайное совпадение интересов.

Дэвид любил политику. А я – магию, которую теперь было признано считать темной.

Я тряхнула головой, растерла между пальцами несколько капель крови, выступивших, когда я отводила с пути колючую ветку, и осторожно потянула на себя стеклянную дверцу оранжереи.

Изнутри она казалось такой хрупкой, будто вот-вот рухнет и погребет меня под остатками стекла и тонких деревянных реек. Стекла через одно разбились, красивые резные стойки, на которых стояли пустые горшки с обвисшими истлевшими листьями, держались на магии и честном слове (которое тоже сродни магии), а под ногами вместо диковинных цветов и редких трав стелилось все то же дикое буйство. Хотя, если приглядеться…

Такую, упоенно зарывшуюся в траву и землю, меня и нашел на удивление не поглощенный домом-призраком Мэттью Тернер.

– О! – прозвучало над ухом, и я вздрогнула, выпуская из пальцев стебель того, что подозрительно напоминало мне мандрагору. – Ты тут. А я думал – сбежала.

– Я есть хочу, – буркнула я, вскинув голову и уставившись на возвышающегося надо мной мужчину. – Какой дурак бежит на голодный желудок?

– У нас в машине припасов на неделю, а ты решила утолить голод травой?

– Нет, решила озадачиться, что мы будем есть, когда эта неделя закончится, – огрызнулась я на подначку и выпрямилась, отряхнув юбку.

Мэттью все равно рядом со мной был значительно выше и стоял так близко, что у меня по позвоночнику пробежала дрожь. Обостренное годами чувство опасности требовало увеличить дистанцию, а здравый смысл скептично парировал – бесполезно. Захочет – и догонит, и растопчет. Я предпочла прислушаться ко второму и, вскинув подбородок поинтересовалась.

– Как в доме?

– Лучше, чем могло бы быть – но хуже, чем я надеялся. Идем, посмотришь.

– Электричество, газ и вода работают – я думал, что их еще не успели подключить, так что это приятный сюрприз. Но лампы почти везде надо менять. Из четырех ванных комнат функционирует только одна, зато кухня в порядке – только почистить.

Мэтт вывел меня к другому, не центральному входу.

Здесь была широкая терраса, укрытая от солнечных лучей буйно разросшимся по клети плющом, и мне подумалось, что раньше здесь, наверное, пили вечерний чай, любуясь закатом и видом на сад. За террасой – столовая, за столовой – кухня. Я фыркнула, окинув масштаб работ – только почистить! Только! Ясное дело только – раз чистить не ему!

– Там гостиная, там библиотека, она пустая, там была бильярдная, там кабинет. Это все сейчас неинтересно. Спальни наверху.

Мы поднялись по скрипучей лестнице, памятуя о происшествии на крыльце, я отчаянно цеплялась за перила и внимательно смотрела куда ставлю ногу, в отличие от беспечно шагающего светлого, которого печальный опыт, кажется, ничему не научил. Перила были гладкие и удивительно теплые на ощупь. А завершались они искусно вырезанными… ласками.

Я даже остановилась на мгновение, приглядываясь к любопытным мордочками и рассматривая детально вырезанные коготки. Ласка на пороге. Усмешка светлого. Ну точно! Это же родовой символ Тернеров.

– Лиза, ты где застряла?

– Пока нигде, – буркнула я и преодолела второй пролет.

Мэттью окинул меня смешливым взглядом.

– Ванная, – объявил он, потянув на себя покосившуюся дверь – и та отозвалась душераздирающим скрипом.

Прежде, чем я успела подумать о том, что тюремный душ был не так уж плох, светлый захлопнул дверь обратно.

– Я буду жить там, – он махнул в конец коридора, завершающегося большим круглым окном с широким подоконником. – Ты – там.

Жест-взмах на противоположный конец. Печется о моей девичьей чести? Как мило.

– Сейчас мы поедим, а потом… что за выражение вселенской скорби на лице, Лиза? Где трудовой энтузиазм и жажда доказать обществу в моем лице свою полезность и искреннее желание исправиться?

Странно, но слова эти совершенно не звучали оскорбительно. И я поймала себя на том, что чем дальше – тем сложнее мне было воспринимать носорога всерьез.

– Я скорблю не об этом, – отозвалась я, глядя в насмешливые карие глаза. – А о том, что насчет палаток в гостиной ты пошутил, и мы их не взяли…

Светлый довольно хмыкнул, пожал плечами и уверенно поскакал по ступенькам лестницы вниз. А я, терзаемая любопытством, заглянула за дверь той комнаты, что была мне предназначена. Стало ясно, что моя девичья честь волновала Мэттью Тернера меньше всего.

Крохотное помещение с маленьким круглым окошком, узкой кроватью, тумбочкой при ней и занимающим чуть ли не полкомнаты шкафом. И полкомнаты он занимал вовсе не потому, что был большой. Когда-то здесь наверняка жила прислуга.

Я мысленно расфырчалась, но признала за ним это право. А потом даже утешилась – меньше драить!

И отправилась помогать разгружать машину.

Этой же ночью я поняла, что была неправа. Мэтт отселил меня на другое крыло дома не потому, что хотел указать мне место.

Вопль заставил меня скатиться с кровати, уходя из-под возможного удара, когда я еще не успела проснуться. Я стукнулась коленом об пол, но не обратила на это внимания, схватила подушку, швырнула ее в сторону двери, чтобы отвлечь внимание нападающего… и замерла. Тяжело дыша, зажавшись в щель между шкафом и стеной, судорожно сжимая кулаки. Браслеты щекотали кожу совсем слабыми электрическими разрядами, гася рвущуюся наружу магию.

Вязкая тишина забивала глотку. Кровь стучала в висках, несла адреналин по венам.

В моей комнатушке никого не было. Никто не нападал. Но вопль – вопль, который я узнала бы из тысячи – повторился.

Так кричит человек под пытками. Протяжный вой, исполненный боли и муки. И доносился он до меня из противоположного крыла. Оттуда, где спал светлый.

Я стремительно вылетела из комнаты и беззвучными скачками понеслась вперед – не думая, не рассуждая, просто зная, что как-то должна это остановить, и все.

Плевать на магию. И без магии человеку можно многое сделать.

Металлическая статуэтка, подхваченная где-то по дороге, удобно легла в руку.

Дверь в комнату светлого я открыла рывком, зная, что приоткрыть и посмотреть, что происходит, или проскользнуть незаметно все равно не получится – все двери в доме скрипели, как обездоленные старушки. Поэтому я распахнула ее и сразу ударила наотмашь перед собой, отпрыгнула в сторону и…

– Ну и что это за ритуальные пляски?

Ровный, спокойный голос светлого обрушился на меня, как ведро ледяной воды.

Я сглотнула, понимая, что в комнате он один. Чужих нет. Врагов нет.

Никого нет.

Не надо драться, не надо спасать.

Уже год, как не надо. Что все вот это вот – рывки, скачки, уход из-под ударов, отчаянное нападение – все в прошлом.

Занесенная для удара рука бессильно опустилась.

Это что же, мне приснилось? Примерещилось спросонья?

Ну и идиоткой же я себя выставила.

Я медленно подняла взгляд на Мэттью и поняла, что с последним выводом поторопилась.

Мужчина сидел на кровати, чуть сгорбившись, уперев локти в колени. Лунный свет, падающий в незадернутое шторой окно, серебрил светлую кожу и подчеркивал тенями рельефы мышц и шрамов. Он путался в мокрых, всклокоченных рыжих волосах и заставлял сверкать капли пота на лбу.

А еще светлый дышал. Тяжело и часто, будто это он, а не я только что несся по коридору, не разбирая пути.

– Кошмары? – осторожно спросила я, сопоставив два и два.

– Не твое дело, – отрезал мужчина, отворачиваясь к окну.

Значит, кошмары. А ведь столько времени прошло. И не похож носорог на впечатлительную и ранимую натуру. Чтобы так заставить орать мужчину вроде Мэттью Тернера, это должно быть что-то…

– Давно? – я удобнее перехватила статуэтку в мокрой ладони.

– Не лезь.

Он показательно на меня не смотрел, и все лицо выражало только злую досаду. Он не хотел, чтобы я стала свидетельницей такого. А какой бы мужчина хотел?

Вот и отселил меня подальше. Ну уж извини, светлый, надо было тебе орать в подушку!

– Уходи.

Карий взгляд ввинтился в меня, будто хотел вышвырнуть из комнаты просто силой мысли. А я стояла и не могла сдвинуться с места. В голове мелькали образы, страницы книг, рисунки, наброски заклинаний. Конспекты-лекции. Домашняя библиотека.

Нет, это не психологическая травма. Не может быть просто психологической травмой. Я видела такое. Я бы заметила ее раньше. Он бы не был днем таким… спокойным. Ироничным. Уравновешенным. Нет, тут что-то другое. Что-то…

Темное.

– Оглохла? Я сказал – уйди из моей комнаты.

Носорог откинул одеяло и поднялся. Я мазнула взглядом по обнаженной груди с темными плоскими сосками, по рельефному животу с белесым пятном шрама от ожога, опомнилась, вскинула голову, уперлась в пылающий раздражением взгляд и упрямо спросила.

– Что у тебя?

Носорог наступал и мне показалось, что воздух стал горячим, как в пустыне. Он сделал еще шаг, я отступила. Еще. И еще. Пока не уперлась спиной в косяк, против воли вскинув зажатую в руке статуэтку, готовясь отбивать удар.

Дура. Статуэтка против магии.

– Я сказал – убирайся, темная, – тихо и зловеще повторил светлый. – И не смей больше заявляться без приглашения.

– Но я могу…

– Вон!

– Иди к черту. Светлый, – выплюнула я, швырнула статуэтку в сторону и с удовлетворением услышала звон – во что-то определенно попала.

А потом, рывком повернувшись и почти наверняка хлестнув по Мэтту волосами – так близко он стоял – ушла к себе под звук захлопнувшейся двери.

Славно поговорили.

Я вернулась к себе, легла, но заснуть никак не удавалось. Мысли кружили в голове, вновь и вновь тянулись через коридор в комнату светлого – и в конце концов я не выдержала, плюнула и села на кровати. Да чего я так распереживалась? Нашла из-за кого! Можно подумать, у меня своих проблем нет, еще чужие расхлебывать!

Я потерла ладонями лицо и, опуская руки, зацепилась взглядом за главную проблему.

Вот. Раз не спится, займись лучше делом.

Так-с, браслетики.

Начать, пожалуй, стоит с визуального осмотра – магию мне отрезали, но глаза-то не выкололи (и слава богу, и не будем подавать энтузиастам свежих идей).

Я всмотрелась в любезно предоставленное правительством украшение – ох уж этот навязчивый сервис!

Эти браслеты мне надели перед самым выездом к Тернерам, в изоляторе были другие, попроще. Завязанные, собственно, на место, в котором мы содержались, они потеряли бы свою силу за воротами. А эти…

Металл с выраженным золотистым блеском – но не золото, определенно. Широкие, сантиметров пять. Массивные квадратные звенья соединены друг с другом в шахматном порядке, символично образуя то ли решетку, то ли ошейник. Гладкие снаружи, исписанные знаками изнутри. Вывернуть их и

разглядеть, что именно там нацарапано, не получалось.

А разработочка-то темная – поняла я, погрузившись в изучение магических нитей блокираторов, и испытала легкий приступ злорадства. Что, лицемерные твари, как припекло, так собственные запреты побоку?

Внешне – ничего особенного. А вот в магическом плане браслеты явно представляли собой магическую систему – причем, магическая система включала в себя носителя как обязательный элемент. То есть, запитаны они от моей силы и без меня артефактом не являлись.

Идем дальше. Судя по некоторым специфическим узлам, а также по характерным особенностям ауры, браслетики представляют собой не два парных артефакта, а один раздвоенный.

Угу, понятно, знаем мы такие штуки – снять браслеты можно только оба сразу. Если снять только один, то при нарушении целостности системы второй выдаст такую реакцию, что… мда.

Я, конечно, хочу на свободу, но не калекой. И не в виде овоща.

Ага. Смотри-ка ты. Ошиблась. Разработка не совсем темная, тут что-то на базе – но модифицированное под требования законодательства. Ладно, господа лицемеры, беру свои слова обратно. Интересно, кстати, а как они классическую активацию жертвой обошли?

А, прикрутили в чары механизм запитывания от носителя и замкнули его на потенциал в спокойном состоянии. Любое возмущение магических потоков носителя артефакт расценивает, как попытку колдовать, и подавляет. Вот вам и жертва, но – в рамках закона.

Что у нас тут? Маяк.

Я хмыкнула. Ай-яй-яй, я ведь дала свое честное благородное слово, что за пределы столицы без разрешения «ни-ни». Что, не верят, что ли? Обижусь и заплачу! Впрочем, маяк, вроде как, работает на пересечение границы, а не на отслеживание перемещений. То есть, если я выеду из города, они узнают, а если

пойду в магазин, провалюсь в канализационный люк и утону там, то черта с два меня кто-то найдет.

Это хорошо, это несколько упрощает мою жизнь – контролировать каждый шаг в сторону с моими намерениями все же было бы проблематично.

Я чуть спустила браслеты, насколько позволяла их ширина, и потерла запястья.

Нет, они не давили, не мешали, не были тяжелыми или неудобными, но все равно я ощущала себя так, будто ношу массивные кандалы.

Я оперлась затылком о стену комнатушки, чуть повернула голову, глядя на темное ночное небо, расчерченное узором старой, поеденной молью тюли.

Смотрела, смотрела… и так и провалилась в сон.

Мэтт

Замахнувшись для удара, я все же чудом сдержался и не шарахнул кулаком по захлопнувшейся двери, а медленно опустил его на шершавое от потрескавшейся краски дерево. Другой рукой потер грудь, стирая щекочущее прикосновение хлестнувших по ней волос.

Проклятое темное плетение, свившее гнездо внутри меня, перекроившее магические потоки, сделавшее меня магически неполноценным на этом не угомонилось. Оно просачивалось болью днем и кошмарами ночью.

И если, бодрствуя, я еще мог держать себя в руках, то над снами был не властен.

В такие моменты я остро жалел, что проклятье не сделало свое дело, как должно.

Лучше бы мне вообще не быть, чем переживать такое позорище.

Я тихо сполз голой спиной по дереву двери и сел на полу – ссутулившись, упершись локтями в колени и обхватив голову ладонями.

Жалкое зрелище.

Меня, взрослого мужика, боевого мага, примчалась спасать пониженная в правах, не нюхавшая пороху пигалица. С матушкиной бронзовой статуэткой наперевес.

…дура, если бы за мной действительно пришли, то ей с ее блокирующими браслетами не грудью на врага бросаться надо было бы, а забиваться под шкаф и молиться, чтобы о ней не вспомнили.

…хотя, её, может, и не тронули бы…

Кое-как выпрямившись, я побрел в постель, как старая развалина.

Темная, наверное, решила, что я тряпка.

Я повозился в прозрачном сумраке летней ночи, нащупывая одеяло, и натянул его на себя, закукливаясь.

Смешно сказать – я в плену провел всего-то пару дней, нас отбили почти сразу же, а поди ж ты. И пусть умом я понимал, что это, в общем-то, не моя вина, это проклятие выискивает бреши в моей защите – все равно перед перепуганной девчонкой было стыдно.

Резкий всплеск эмоций и сидение голышом на полу дали себя знать – спина, голени и колени противно болели. Даже не болели, а так – ныли на грани восприятия. Вроде бы терпимо, но нудно, изматывающе.

Я поплотнее завернулся в теплую шерсть одеяла, с запоздалой благодарностью вспомнив мать, и мимоходом подумал, что решение уехать было верным – иначе сейчас надо мной вместо одной озабоченной наседки четыре скакали бы. И на мать с сестрами не прикрикнешь, чтобы ушли и не добивали остатки самоуважения…

Уже уплывая в сон, я успел поймать за хвост мысль – надо бы завтра ее проинструктировать. Чтобы в случае реальной опасности сидела мышью и не вздумала в драку встревать. После того, как все закончится – там уже решать надо по обстоятельствам, смотря кто победил. А до того… Не надо.

Пусть она и темная, и бывший враг – все равно. Я несу за нее ответственность.

Глава 4

– Доброе утро, Лиза.

Вот уж чего я не ожидала услышать, так этого. Я спустилась на кухню сразу, как проснулась, в шесть тридцать – невыспавшаяся и до сих пор злая, как черт. Понадеялась, что если потороплюсь, то смогу позавтракать в одиночестве, а там зароюсь в уборку. Потому что вчера мы успели только распаковаться, проветрить и слегка вымести комнаты, приготовить постели и навести что-то вроде порядка на кухне. Запрусь в ванной и не выйду оттуда, пока: а) не остыну и б) не отдраю все до такой степени, что там действительно можно будет мыться, а не плесень собирать мочалкой. Правда, я не уверена была, какой из этих пунктов наступит раньше. Потому что зла я была – очень.

Казалось бы, ну орет и орет по ночам – какое мое дело, что там с этим типом, мне с ним детей не рожать. Но…

Вчера, после беспокойных мыслей перед сном, его вопль разбудил меня, и я спросонок рванулась на крик еще на военных, дотюремных рефлексах – на помощь, как к своему. А светлый взял и вышвырнул меня, как щенка.

Идиот. И я дура. СтОим друг друга однозначно!

А теперь он сидел за столом все с тем же «тазиком» и все с той же спокойно-ироничной улыбкой на губах и желал мне доброго утра!

Ну не гад ли?!

Я замерла.

Вот и посидела в одиночестве!

Я настороженно остановилась на пороге кухни. Не то, чтобы я ждала, что меня сейчас выставят и отсюда…

Но пойти мыть ванную я вполне могу и без завтрака!

Моя злость требовала выхода, а ванная комната генеральной уборки, так что…

Потом поем.

Но не успела я развернуться, как светлый снова меня окликнул.

– Лиза, доброе утро! – впрочем, агрессии или злости в его голосе, несмотря на нажим, не прибавилось, и я сделала над собой усилие.

– Доброе утро, Мэттью, – я улыбнулась так ослепительно, что мужчина напротив аж прищурился.

Ясно же, что человек пытается сделать вид, что ничего не было – так не будем обострять.

– Как спалось? – безмятежно поинтересовался светлый.

Нет, вы посмотрите на него!

– Вы…

– Ты.

– Ты…

– Вы.

– Вы… – я осеклась. Прикрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула. Задавать вопрос уже не было смысла, и так ясно – издевается.

И я, так ничего и не сказав, отвернулась готовить свой кофе.

– Лиза, – почти сразу прозвучало мне в спину, я непроизвольно дернула плечом, но не обернулась. – Лиза, посмотри на меня, пожалуйста.

Я скрипнула зубами, но… приказ есть приказ. Помни об этом, темная ведьма. Он приказывает – ты подчиняешься. Молча.

Дождавшись, пока я подниму на него глаза, светлый улыбнулся и произнес:

– Извини, я не должен был на тебя кричать.

Я удивленно сморгнула. Извиняется?

Сначала издевается, потом извиняется… что вообще в голове у этого типа? Господи боже, дай мне сил и волшебный напильник. Срезать эти дурацкие браслеты и свалить из этой сумасшедшей страны.

– Нет, это я не должна была, – я мотнула головой. – Меня это не касается.

– Не касается, – легко согласился Мэттью. – Поэтому ты больше не будешь врываться в мою комнату вне зависимости от того, что ты услышишь.

– А если… – я начала и прикусила язык.

– А если – что? – иронично уточнил светлый.

– Ничего.

– Вот и прекрасно.

Одурительный аромат кофе наполнял кухню, вытесняя неловкий холод воцарившейся тишины. Я села за стол, обхватила обеими ладонями обжигающую чашку и покосилась на мужчину, невозмутимо почитывающего какой-то толстенный том.

– Я уеду сегодня на целый день, – произнес он, заставив меня слегка вздрогнуть, будто меня застукали за подглядыванием.

– Хорошо, – кивнула я, ожидая распоряжений.

Которых не последовало. Светлый продолжил пить чай и читать.

Прождав с десяток секунд для верности, я все же уточнила:

– А мне что делать?

Мэттью вскинул голову и пожал плечами.

– Что хочешь. Только будь любезна, если соберешься сбежать, спрячь ключ под цветочный горшок у входа, ладно? Он у нас единственный, не хотелось бы, знаешь, фамильной защиты лишиться.

– Я не собираюсь сбегать, – отчеканила я, оскорбленно поджав губы. Что я, дура что ли, так сразу?!

– Чудно. Тогда ужин приготовь, вещи разбери, хлеба купи, ну я не знаю – придумай что-нибудь. Кто из нас женщина, в конце концов? Магазин, если что, есть в паре кварталов направо. Телефон исправен. Я оставлю тебе на всякий случай номер городского дома, спросишь Камиллу. Или Тома – Томаса Грина, он курирует твою программу. Ну мало ли. Деньги оставлю. Что еще?

– Мясо или птицу? – с каменным лицом уточнила я.

Светлый недоуменно вскинул брови.

– На ужин. Мясо или птицу?

– Сама решай, – бросил он и уткнулся в книгу, явно давая понять, что разговор окончен.

Тяжелый физический труд помог – как и всегда. Гнев стек, как талая вода, и разум прояснился. Я намывала просторную ванную комнату, обставленную по моде начала века и когда-то вполне милую, но теперь, как и весь дом, запущенную и мрачную – и мысли в голове приходили в порядок.

И крутились они, что неудивительно, вокруг светлого. По всему выходило, с ним что-то здорово не в порядке.

Ночные кошмары – ладно еще. Мало ли, чего он хлебнул в этой войне – я и сама, если вдуматься, могу похвастаться премилым нарушением сна, просто не таким шумным.

Нет, беспокоило меня что-то другое, а что – я, пожалуй, и сама не могла сказать. И теперь, попеременно надраивая то мелом, то щеткой мраморный бок ванной, я пыталась выловить царапающие ощущения – как вертких рыбок в голубоватой воде паркового пруда.

Ощущения не вылавливались – но и мрамор так просто не сдавался.

Первое – его мать. Возможно, это и нормально, что боевика, задавшего жару (в прямом смысле этого слова!) темному Сопротивлению, опекают как младенца, но мне почему-то кажется, что нет. Беспокойство на ее лице было неподдельным и глубоким.

Второе. Светлый даже не пошевелился произвести мало-мальскую настройку домашней защиты – хотя, казалось бы. Послевоенное время как-никак. Достаточно одного-двух темных магов, рыскающих в поисках поживы (тут я вспомнила, каков на вид этот дом, и мысленно поправила себя – ладно, укрытия), чтобы доставить обитателям бо-о-ольшие неприятности. В ту же копилку – защитить свою спальню он тоже не потрудился. А ведь опытный носо… то есть, человек. Должен бы понимать, чем чревата такая небрежность рядом с темной. Конечно, по легенде Лиза Миллс – тихоня и паинька, но год в следственном изоляторе кого угодно доведет до размахивания бронзовыми статуэтками. Что мне помешало бы прокрасться в его комнату ночью и попросту придушить

светлого подушкой (тут я призадумалась – а правда, что?)

Третье. Пожалуй, на третью позицию поставлю его отношение ко мне. С одной стороны – твердо и однозначно высказанный отказ выпускать меня на свободу. С другой… Ну, простите, никак не тянет его поведение на темноненавистника. Ни тебе насилия над беззащитной подопечной (я мысленно сплюнула, чтобы не накаркать), ни тебе тирании и унижений. «Я уеду, займись чем-нибудь». И если бы я сама не задала ему вопрос – вполне могла бы весь день просидеть сиднем, не слишком утруждая себя домашними делами. Однозначно, должна быть логичная и весомая причина, по которой столь лояльный и уравновешенный человек, как носорог, считает опасным выпускать на свободу «бедную» «маленькую» Лизу Миллс.

Было еще четвертое – мои смутные ощущения. Но поймать их я так и не смогла, а потому просто отставила их в сторону до лучших времен, и с новым энтузиазмом обрушилась на скопления грязи. На сей раз мое внимание привлекла раковина умывальника – мраморная, как и ванна, приятной округлой формы, но настолько грязная, что над ней даже просто умыться было противно. Не говоря уже о том, чтобы положить мыло или зубную щетку.

Я выпрямилась, сдула с лица налипшую прядь и обвела дело рук своих критическим взглядом.

Жаль, ох, жаль, что Мэтт отказался от той связки артефактов, которую пыталась всучить ему миссис Тернер. Глядишь, и нашлось бы среди них что-то поэффективнее мела и моей мускульной силы.

Ванная мрачно серела во мраке – вместо того, чтобы призывно белеть. Раковина выглядела примерно так же – лишенный должного регулярного ухода нарядный белый камень пошел неопрятными разводами, посерел, и вернуть ему первозданный вид имеющимися в моем арсенале средствами возможным не представлялось.

Что ж, философски заключила я. По крайней мере, теперь я знаю, что здесь чисто. И не упаду в обморок, если вдруг моя зубная щетка упадет на раковину – ограничусь легким головокружением.

Юмор юмором, конечно, но что в следственном изоляторе было поставлено на уровне, так это гигиена. Регулярная уборка силами заключенных под надзором сотрудников плюс систематическое использование дезинфицирующих заклинаний сбоев не давали.

Очищающие чары, проходя сквозь людей, находящихся в помещении, ежедневно дарили несколько неприятных минут, оставляя ощущение какой-то подкожной сухости и дискомфорта, быстро сходящего на нет. Зато у инфекций, легко возникающих в местах высокой скученности людей, не было шансов.

А что волосы и кожа испортились… Скажем прямо – это нынче наименьшая из моих проблем.

…может быть, если как следует порыться в доме и в оранжерее, удастся состряпать что-нибудь подходящее из подручных средств.

Опомнившись, я горько усмехнулась собственным мыслям – ну надо же, трех дней не прошло, как вышла под надзор, до свободы еще дорогу грызть и грызть, а мысли уже о женском, мирном.

Ванная отобрала у меня три часа, и, погрузившись с головой в работу, я пропустила момент, когда мой надзиратель (с полной безответственностью игнорирующий свои, собственно, надзирательские обязанности) уехал. И спохватилась только ближе к обеду.

Кофе, выпитый за завтраком, давно забылся, и организм недвусмысленно намекал, что ему неплохо бы предложить полноценный обед. В животе поселилось знакомое сосущее чувство. Я прислушалась к нему, решая, чего я хочу больше – есть или осмотреться на местности. Выйти на улицу, без сопровождения и конвоя – туда, где нет стен, где над головой солнце и небо…

Пожалуй, обед все же подождет.

Что там он говорил утром? Ужин, вещи, хлеб?

Кажется, его план придется подкорректировать. Ничего не имею против ужина и хлеба – но прежде, чем раскладывать вещи, неплохо бы разобраться с тем, куда

их класть.

Но сначала – разведка.

Платье, купленное в торговой галерее, закрывало браслеты и сидело здорово – пусть и не сшитое на заказ, но отлично подобранное по размеру, деньги обнаружились там, где светлый и сказал – и магическая защита беспрепятственно выпустила меня за порог. И не знаю, отчего – но в голове было пусто и звонко, на сердце неприлично радостно, а в ногах легко.

Уизел-холл, утопленный вглубь участка, остался за спиной. Я повертела головой. Слева и справа, насколько хватало обзора, виднелись такие же солидные ограды: кованка, литье, пики наверший и декоративные накладки, сквозь которые виднелись дома, каждый – сердце участка. Приличный район с солидными особняками, и соседские, на первый взгляд, выглядели вполне ухоженными, не заброшенными, как наш.

То есть, Тернерский.

Через дорогу особняков не было – там, сквозь металлическое кружево старой ограды, просматривались клены и самшиты одного из городских парков.

Я повертела головой, стоя на тротуаре. Пара кварталов направо, верно?

Через пару кварталов направо по улице оказался, впрочем, не магазин, а целая небольшая торговая площадь. Округлая, застроенная по краям лавками и магазинчиками, озелененная и уютная. До торговых галерей в центре города ей, конечно, было далеко – но и оскорбительного «магазин через два квартала направо», брошенного Мэттом Тернером, она не заслуживала.

В ряду магазинчиков, кроме того, в который меня, собственно, и отправили – со свежей выпечкой – приткнулась еще и лавка мясника, зеленщик, сапожная мастерская и…

Я было скользнула взглядом мимо, но вернулась, зацепившись за вывеску «Бакалея матушки Фру». Серая ванная взывала к моему чувству прекрасного, а

ноющие руки к улучшению условий труда. Поэтому я пересекла площадь и толкнула тяжелую дверь с большим матовым стеклом. Мелодично тренькнул задетый колокольчик, а женщина за прилавком – высокая, с приятным округлым лицом – тут же расплылась мне навстречу улыбкой.

– Доброго дня, мисс…

Финал фразы слегка повис в воздухе – бакалейщица не узнала во мне ни одну из постоянных клиенток, из чего можно было рассудить, что новые лица здесь появляются не так часто. Но она тут же продолжила, сглаживая неловкость.

– Чем я могу вам помочь?

– Что у вас есть из чистящих средств? – я окинула рассеянным взглядом лавку – небольшую, но аккуратную, заставленную товаром по самый потолок. – Желательно с магической составляющей.

– Наводите порядок в новом доме? – прозорливо уточнила дама, уже двинувшись к нужной полке.

– Если бы в новом, – пробубнила я, закатив глаза.

– Порошок «Чистоблеск». С примесью алхимической алмазной пыли. Прекрасно подходит для камня и железа, но я не рекомендовала бы использовать его для стекла и дерева. Признаюсь вам откровенно, он стоит своих денег. Когда моя дочка вышла замуж и переехала к своему супругу, только он ее и спас от того, что ее драгоценный супруг сотворил с квартирой за десять лет одиночества и нежелания платить домработнице.

– Беру, – легко согласилась я. – Давайте три… нет, четыре! Или, может быть… пять?

– Что вы собираетесь чистить? – простодушно изумилась бакалейщица. – Обелиск на Триальской площади?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yasnaya_yana/prosti-menya-esli-smozhesh

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити